Гарри провел в медицинском крыле на несколько дней дольше, чем ожидалось, и был благодарен за постоянное тепло, но в конце концов ему позволили снова занять свое место среди толпы одноклассников.

Его победа в матче Гриффиндор-Слизерин вывела Гриффиндор на очень хорошее место в гонке за очки, и по мере того, как другие дома начали набирать свои собственные очки, Гарри, да и вся его команда, чувствовали себя довольно хорошо в отношении шансов Гриффиндора на то, чтобы наконец-то взять это чемпионство. Единственным серьезным препятствием было то, что он почти окончательно повредил свою метлу: трещина прошла через половину ее длины; несколько заклинаний и несколько сильных чар сделали ее почти как новую, но во время каждой тренировки Гриффиндора в последнее время Гарри хмурился из-за этого постоянно присутствующего "почти".

Тем не менее, даже поврежденный "Нимбус 2000" был гораздо лучше, чем попытка использовать один из школьных "Очистителей", хотя, возможно, немного менее безопасен. Заклинательная лента, как сказали ему ответственные лица, удержит метлу вместе в большинстве случаев, но если он будет действовать слишком энергично, она, скорее всего, выйдет из строя. Поэтому ему было велено держаться хотя бы относительно близко к земле, и теперь за ним еще более пристально наблюдала мадам Хуч, готовая поймать его заклинанием левитации, если его метла выйдет из строя.

Их с Роном тренировки проходили как всегда хорошо, причем Рон с каждым днем становился на волосок лучше, хотя Рон стал жаловаться на то, что ему чего-то не хватает, не имея ни малейшего понятия, чего именно.

Светлым пятном, появившимся вскоре после его освобождения из медицинского крыла, стало открытие, что профессор Люпин, похоже, оправился от поразившей его болезни, и Гарри наконец-то смог подойти к нему с тем, о чём он думал все эти тихие дни в своей постели.

"Профессор Люпин, сэр?"

Профессор Ремус Люпин поднял усталые глаза на заговорившего мальчика; кольца вокруг глаз и исхудавшее лицо говорили о силе, с которой его поразила недавняя болезнь, но он все еще был бодр и энергичен, как никогда: "Ах, да, Гарри?"

"Я хотел спросить..." Гарри сглотнул, надеясь, что профессор не подумает о нем плохо за это, - "Есть ли какой-нибудь способ отбиться от Дементора? Я вспомнил, как вы отбивались от него... в поезде?".

Люпин пытливо поднял бровь: "И что привело к этому? Нападение?"

Гарри слегка покраснел и почти незаметно кивнул: "Просто дементоры, что бы они ни делали, когда они это делают, я, ну, я теряю сознание, наверное. И каждый раз, когда это случается, люди говорят мне, что я пытался бороться с ними..." Он стыдливо склонил голову: "Я просто подумал, что если бы у меня был какой-то другой способ отбиться от них, может быть, я не

убил бы себя, когда увижу их в следующий раз... - он снова опустил голову, поправляя мантию, - если увижу их..."

Люпин немного подумал, глотнул немного из фляжки на столе, затем устало хмыкнул: "Посмотрим... но сначала я хочу знать... Почему ты боишься мышеловки? Сломали палец в детстве?" Казалось, он устало усмехнулся на это, хотя было очевидно, что он не шутит.

Гарри сразу же поднял голову: "А? Нет! Ну, однажды чуть не сломал, но вообще-то я больше нервничаю из-за кошачьей мяты, я думаю".

Люпин воспринял это с некоторым замешательством, в конце концов решив, что просто не хочет знать: "Точно. Ну, я не думаю, что смогу помочь вам до каникул". Он бросил тошнотворный взгляд на свой стол: "Я выбрал неудачное время, чтобы заболеть..."

Гарри слегка усмехнулся: "Верно. Спасибо, профессор".

Хотя задержка в изучении... чего бы то ни было была некоторым разочарованием, у Гарри было много разочарований в ближайшие недели до декабря.

Погода, казалось, отказывалась ломаться, а тренировки по квиддичу становились все более некомфортными. Но хотя усилием воли он смог удержать себя от поломки, однажды, в самый разгар декабря, он получил поистине ужасную новость: его Нимбус больше никогда не полетит.

Дело было не в том, что он был сломан, - отнюдь нет; метлу можно было починить, пока сохранялась ее основная масса. Нет, настоящая проблема заключалась в чарах. Обычно даже изнашивающиеся чары можно было починить или даже заменить. Просто, видимо, поломка из-за контакта с Дементором сильно "исказила" чары, и пытаться сделать их как новые было бы дороже, чем купить новую метлу, и, возможно, даже не так эффективно.

Гарри был разочарован, но в конце концов согласился: он будет пользоваться ею до тех пор, пока она продержится, но как только она начнет по-настоящему изнашиваться, ее отправят на полку.

Что, к сожалению, и произошло. Хуже того, это случилось даже не во время игры. Гарри парил в воздухе на высоте едва ли двадцати футов во время тренировки, когда увидел снитч прямо над собой; он подтолкнул свою метлу, и она откликнулась, подбросив его вверх как раз перед тем, как не сработала заклинательная лента, и вместо одной метлы он вдруг оказался с двумя отдельными частями метлы. Он даже не успел толком осознать, что произошло, как упал спиной вперед на землю.

Мадам Хуч была готова, но в тот момент отвлеклась, и большую часть падения он был без поддержки, без поддержки, так как даже Фред и Джордж были слишком далеко, чтобы помочь. Ему удалось повернуться так, что он мог видеть землю, и в его сердце зародилась спокойная

тревога по мере того, как трава становилась все ближе и ближе. Он услышал, как мадам Хуч крикнула ему заклинание, но было уже поздно: он был слишком близко к земле и шел слишком быстро, а заклинания левитации было слишком трудно использовать на живых существах, каковым он, несомненно, и останется до тех пор, пока не врежется в неумолимую землю.

К счастью для всех, в последнюю секунду, в нескольких футах от земли, он внезапно остановился. На секунду он замер на месте, прежде чем раздался напряженный крик мадам Хуч, предупреждавший его о необходимости уже коснуться земли: "Тебя не так-то просто удержать в таком состоянии!".

Гарри без слов опустился на землю, спокойно принимая радость товарищей по команде по поводу его дальнейшего хорошего самочувствия; он думал о другом, о чем-то, не совсем не связанном с их ликованием.

Мадам Хуч была не единственной, кто поддерживал его.

Всего за несколько недель до Рождества погода наконец-то испортилась; больше не было ни дождя, ни снега, ни снегопада, ни мороси, ни любой комбинации вышеперечисленного. Светило солнце, и это вызвало во многих уголках замка чувство благодарности за то, что они наконец-то насладились светом; земля заблестела от белого инея, что вызвало у некоторых студентов праздничное настроение, особенно на фоне грандиозных украшений, развешанных в Большом зале.

Гарри, однако, не чувствовал себя таким уж праздничным. На самом деле, он становился все более тихим и замкнутым, проводя большую часть времени у камина в общей комнате Гриффиндора и жалуясь на холод. Именно там Фред и Джордж нашли его перед тем, как большая часть школы должна была уйти в Хогсмид; они, видимо, решили, что он хмурится из-за того, что не может пойти в Хогсмид, и он отнесся к ним с юмором, когда они предложили ему странный кусок пергамента и показали, как им пользоваться.

Карта Мародеров оказалась действительно замечательным произведением: на ней была изображена вся планировка школы, вплоть до всех тайных ходов со специальными отметками для всех хитрых лестниц, мин-ловушек и даже имен и местонахождения людей в каждом из залов школы. Единственным местом, которого не было на карте, была Тайная комната, что вполне логично, учитывая, что она даже не должна была быть частью школы, и открыть ее мог только Парселмут.

Гарри, однако, не собирался тайком пробираться в Хогсмид. Он действительно боялся, что если отойдет слишком далеко от костра, то задрожит до смерти. Холод действительно сильно ударил по нему. Сначала он думал, что у него просто грипп или, может быть, простуда, и пытался справиться с ней. Но чем больше он боролся, тем хуже ему становилось, и теперь он боялся, что у него просто не хватит сил бороться дальше.

Рон решил, что этой ночью он будет спать у костра, а если к утру ему не станет лучше, то он отправится к мадам Хуч.

Через некоторое время в общую комнату вошел Рон, за ним Гермиона и множество других гриффиндорцев, вернувшихся из Хогсмида. Рон и Гермиона немного нервно посмотрели на Рона, как бы гадая, что он может чувствовать из-за того, что его снова оставили, но эта нервозность, казалось... немного изменила тон, когда они действительно увидели его.

"Гарри, ты в порядке?" Гермиона попыталась немного приподнять его, чтобы получше рассмотреть его, в то время как Рон висел на небольшом расстоянии от него, выглядя таким же обеспокоенным.

"Гарри, приятель, ты выглядишь не очень хорошо".

Гарри медленно покачал головой: "Простудился. Утром пойду к мадам Хуч".

Рон поднял бровь в недоумении: "Хуч? Не Помфри ли ты имеешь в виду?"

Гарри моргнул, неужели он имел в виду именно это? "Э, да. Извини, чувствую себя неважно".

Гермиона попыталась поднять Гарри в стойку: "Гарри, тебе нужно хотя бы лечь в постель".

Гарри покачал головой: "Я буду спать здесь, у огня..."

Рон хмыкнул, но Гермиона покачала головой: "Нет, я наложу согревающие чары на твою кровать или что-то в этом роде, но ты не можешь вот так просто сидеть на полу. Тебе нужен настоящий отдых! Рон, помоги мне с ним".

Рон сделал, как было велено, и Гарри склонился перед неизбежным, борясь с ногами, которые несли его по коридору в общежитие, где он грациозно плюхнулся в постель, которая вскоре была покрыта согревающими чарами, и он был укутан в кокон из одеял. Гермиона дала ему какое-то зелье, по вкусу удивительно напоминающее воду, и он задремал.

Прежде чем оставить их одних, Гермиона остановила Рона: "Рон, завтра первым делом позаботься о том, чтобы Гарри сразу же отправился в больничное крыло. Даже если он почувствует себя лучше, он не может ходить вокруг да около, пытаясь запугивать, как он это делал".

Рон собирался ответить, но вдруг остановился: "Подожди, "был"?"

Гермиона кивнула, "Конечно! Думаешь, я не замечала? Он не переставал жаловаться на холод с того самого матча по квиддичу со Слизеринами. Могу поспорить, что он простудился и с тех пор ни к кому не ходит по этому поводу, просто игнорирует, что глупо. Если ты плохо себя чувствуешь, нужно сразу же лечиться, пока не стало хуже!"

Рон закатил глаза и помахал рукой в воздухе, как бы останавливая тираду Гермионы: "Точно, точно, первым делом утром". Рон вскинул глаза: "Может, мне подождать, пока он проснется? Или разбудить его?"

Гермиона на мгновение задумалась, затем неуверенно сказала: "Ну, пусть отдохнет, но если он не проснется к полудню, я сама его разбужу".

Рон вздохнул: "Хорошо, Гермиона. Я иду спать".

Гермиона решительно кивнула и пошла в сторону общежития для девочек.

В ту ночь Рон спал очень крепко. Дин и Симус уехали на каникулы сразу после возвращения из Хогсмида, а это означало, что их с Гарри комната была предоставлена самим себе; Гарри, проснувшись, по какой-то причине решил отдохнуть в своей форме Анимага. И на взгляд Рона, эта форма выглядела ещё хуже. Вместо своего обычного яркого розового цвета она была какой-то тошнотворно светло-фиолетовой с тёмно-синими прожилками по всей коже. Меньший размер этой формы, казалось, ещё больше усиливал смертельный вид, который она приняла, но, поскольку Гарри, казалось, немного успокоился, Рон подумал, что, возможно, магическая природа этой формы отгонит часть явного холода Гарри.

Тем не менее, Рон был обеспокоен. Этот образ встревожил его, и хотя Рон спал лишь отрезками по одному-два часа, он не раз замечал, что проверяет Гарри.

В какой-то момент ночи, возможно, около четырёх часов, Рон проснулся и ещё раз проверил кровать Гарри, но обнаружил, что она пуста. В внезапной панике он понял, что согревающие чары, очевидно, сработали, и его внезапно налившийся кровью мозг придумал только одно место, куда мог уйти Гарри.

И он обнаружил его лежащим лицом к камину, который был заново зажжён, причём он лежал почти слишком близко к жаркому огню. Рон решил отодвинуть его, чтобы он не обжёгся, и осторожно взял его за плечи; возможно, он сможет вспомнить согревающие чары, которые использовала Гермиона.

Гарри, видимо, решил, что в Общей комнате слишком велик риск быть замеченным, и снова превратился в человека. И когда Рон разглядел его лицо, первое, что бросилось в глаза, был шрам в форме молнии, который светился сердитым фиолетовым цветом на фоне остального внезапно ставшего очень бледным лица; всё его тело было липким от холода, а дыхание казалось невероятно затруднённым.

Рон чуть не уронил своего друга в панике: "Ему становится хуже! ГЕРМИОНА!" Он побежал в сторону женского общежития, чтобы попытаться позвать их подругу, но как только он ступил на первую ступеньку, раздался громкий звук, похожий на клаксон, и все ступени превратились в одну ровную плоскость. В этот момент любые дальнейшие шаги были совершенно бесполезны, хотя Рон пытался ещё несколько мгновений, даже со злостью пытался пробить себе путь наверх когтями своих анимаговских рук, хотя это казалось столь же бесполезным.

"Рррр! Ладно, я сам его возьму!"

Рон поднял Гарри, которого разбудил громкий шум, за плечи: "Рон? Что происходит? Что за шум?"

"Давай, Гарри, обними меня за плечи, я отведу тебя к мадам Хуч!"

"Помфри."

"Неважно." Рон нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока Гарри устраивался на месте. Он услышал, как Гермиона выходит, жалуясь на шум, и крикнул в ответ: "Я веду Гарри к мадам Помфри!".

И он сорвался с места, не обращая внимания на миссис Норрис, которая едва успела проскочить мимо него, чтобы не наступить ему на хвост, и которая сердито шипела ему в спину.

Медицинское крыло было почти всегда открыто, и, конечно, там было теплее, чем в остальной части замка, так как там было установлено несколько постоянных согревающих чар, но этого было недостаточно для Рона, который, уложив Гарри на кровать, стал звать мадам Помфри, пока медиведьма не материализовалась из-за двери. "Что это? Кто это?"

Паника коснулась глаз Рона, когда он посмотрел на нее: "Мадам Помфри! Это Гарри, он болен! Я думаю, он умирает! Смотрите!" Рон почти тащил женщину к кровати, где лежал Гарри, в полубессознательном состоянии и гораздо более синий, чем это было естественно.

Глаза Помфри расширились почти так же, как у Рона: "Боже правый! Ради Мерлина, что случилось!"

Рон пытался объяснить, бормоча "Он болен" и "собирался прийти первым делом", но мадам Помфри его не слушала, даже когда вошла Гермиона, явно в таком же состоянии, как и Рон.

"Он ледяной! Вот, возьми это, это зелье "Перец вверх"". Гарри сглотнул, и вдруг из его ноздрей вырвались сдвоенные струйки дыма: "Не сработало? Тогда вот, шоколад; взрывай его, если дементоры подобрались так близко, министр Фадж получит от меня в ухо!". Гарри съел шоколад, но все, что он действительно сделал, это утомил его.

Гермиона попыталась объяснить в затишье: "Он уже давно жалуется на холод; мы наложили согревающие чары на его кровать и собирались отвести его к тебе первым делом утром..."

"Он должен был сразу же прийти ко мне! О, холод не ломит! Согрейтесь!" Помфри суетилась, накладывая согревающие чары на кровать и суетясь за еще несколькими зельями для поднятия настроения, когда Гарри с серьезным выражением лица повернулся к Рону и

Гермионе.

"Я расскажу Дамблдору".

Рон и Гермиона растерянно переглянулись: "Что я ему скажу?".

"О... о том, что я сделал в прошлом семестре".

На мгновение даже Гермиона растерялась, но потом оба друга Гарри поняли: "Гарри, ты уверен? У тебя могут быть большие неприятности...".

Гарри решительно кивнул: "Да. Я должен сказать ему, я не могу больше держать это в секрете; я становлюсь все слабее и слабее. Это не работает". Гарри дрожал, даже под удвоенными согревающими чарами, "слишком холодно".

Помфри подошла к ним, неся еще одно зелье "Перец-Верх" и с неожиданно подозрительным выражением лица: "Что за секрет?".

Рон и Гермиона собирались придумать какое-нибудь оправдание, но Гарри прервал их: "Дамблдор, и я тоже расскажу".

Помфри нахмурилась: "Дамблдор уже в пути. А теперь ложись, ты уже на пороге смерти! И не смейте ложиться спать в таком состоянии! Скорее всего, ты никогда не проснешься!"

Сердце Рона заколотилось: "Он умрет?".

Помфри запыхтела с нотками паники: "Если я не смогу его согреть, он может! Ой, куда я положила свечи!" Она убежала как раз в тот момент, когда дверь открылась и впустила высокого, увядшего старика с длинными белыми волосами, длинной белой бородой и озабоченным выражением лица.

"Что случилось?"

Рон поспешил объяснить: "Гарри замерз, и он не хочет согреться".

Помфри вернулась с листком бумаги, который она прижала к груди Гарри: "Я испробовала все, что могла придумать, но, скорее всего, это магическая простуда, он не согревается, что бы я ни делала".

Гарри немного приподнялся, на его лице появилось решительное выражение, хотя он был благодарен за внезапное тепло, которое дал ему лист пергамента; он дал себе мгновение силы

и поднял глаза на Дамблдора: "Дамблдор...". Он задумался, но в конце концов не нашел подходящего способа сказать: "Я - анимаг". Это было лучшее, что смог придумать его одурманенный разум.

Дамблдор моргнул: "Что?".

Гарри собирался побороться с каким-нибудь другим способом сказать это, с идеей сказать это снова, но он просто сдался и трансформировался.

Глаза Дамблдора расширились, когда он увидел, как Гарри изменился, и на мгновение или два он потерял дар речи, когда Гарри завернул свое внезапно ставшее маленьким тело в одеяла, которые ему дали. "Я... вижу. Значит, ты использовал Маскировку-невидимку. ...Так вот как ты нашел Тайную комнату?"

Гарри на мгновение вздрогнул и подумал о том, чтобы переодеться обратно, но потом подумал и просто сказал: "Закрыть".

Гермиона чуть не вскрикнула, а глаза Дамблдора расширились еще больше, но Рон никак не отреагировал, даже когда Дамблдор сказал: "Ты можешь общаться телепатически?".

Гарри слабо кивнул: "Да. Я волшебник, наверное".

За своими очками Дамблдор рассматривал так много возможностей, что его глаза на мгновение потеряли фокус, поэтому он не был так внимателен, как мог бы быть, когда Рон вдруг почти крикнул: "Я тоже!".

"Простите, что это было?"

"Я тоже." Рон, казалось, значительно напрягся, как будто он взял себя в руки: "Я что-то вроде льва, хотя я еще не освоился с этим".

Дамблдор молчал ровно столько, чтобы Гермиона смогла пробормотать: "А я, я помогала варить зелье. Я что-то вроде енотовидной собаки или вроде того".

Дамблдор молча кивнул: "Да, в этом есть смысл". Он слышал о енотовидных собаках, они были японскими, если он правильно помнил.

Вдруг Гермиона заговорила снова: "Это было в конце прошлого года, так что еще не прошел целый год! Мы все еще можем зарегистрироваться!"

Рон был внезапно ошеломлен: "Что? О чем ты говоришь, Гермиона?".

Гермиона подбодрила себя и сказала: "Ну, поскольку не все могут быстро получить изменения, Министерство разрешает регистрировать Анимагуса в течение одного года. Верно, профессор?"

Дамблдор усмехнулся, когда мадам Помфри нахмурилась еще больше, хотя она, казалось, была озадачена тем, как вести себя с Гарри в таком состоянии: "Вы правы, конечно, мисс Грейнджер. Я сейчас же подготовлю бумаги, но пока не вижу причин сдавать его в больницу".

Рон издал озадаченный звук, но Гермиона была только задумчива: "Это... это из-за Рона? Потому что он еще не полностью трансформировался?"

Дамблдор улыбнулся: "Что ж, это очень веская причина. И мистер Уизли, если вы не возражаете, я полагаю, что вам не стоит торопиться "набраться сил"; я подозреваю, что такой секрет может оказаться очень полезным".

На мгновение воцарилось молчание, затем мадам Помфри нарушила его: "Что я хочу знать... так это почему вы решили, что сейчас самое подходящее время рассказать нам об этом, а не позже или раньше?"

Гарри слегка сморщился: "[Ну, я... я не могу измениться обратно...]".

Все, включая Дамблдора, моргнули: "Что именно ты имеешь в виду? Ты был человеком, когда я вошел в эту комнату".

Гарри покачал головой, затем тихо объяснил: "[Я могу превращаться во что угодно, это первая магия, которую я получил в этой форме... Я могу превращаться во что угодно, независимо от того, что это такое; даже в самого себя".] Он снова задрожал, не в силах контролировать схватки: "Я думаю... Я думаю, мое тело забыло, как использовать оригинальную трансформацию Анимагуса некоторое время назад...]". Он снова вздрогнул, хотя, возможно, не столько от холода, сколько от стыда: "Я выглядел как человек, но под этим я был не больше, чем сейчас. Мне становилось все холоднее и холоднее, быстрее, чем если бы я действительно был человеком]". Он вдруг спрятал лицо в одеяло, как будто прячась.

Гермиона выглядела озадаченной: "Если ты так быстро замерзал... почему ты не согреваешься так же быстро сейчас?"

Гарри покачал головой из-под одеяла, издав слабое "Миу!". '[Нет! В том-то и дело; я не быстро замерз, это происходило весь семестр!]

"Но Гарри, тебе совсем не было холодно только вчера... ну, позавчера. Тем не менее, это довольно быстро". Гермиона собиралась поправить Рона, напомнить ему обо всех признаках, которые подавал Гарри, но вместо этого решила послушать, что скажет Гарри.

И он ответил довольно быстро, не двигаясь: "[Я использовал свои способности. Сначала я этого не знал, но я использовал свою магию, чтобы согреться... и у меня закончилась.]

Рон все еще не был убежден: "Но, но, кошки ведь не мерзнут так, правда? Я имею в виду, Крукшанкс, кажется, даже не замечает холода..."

Гермиона собиралась ответить еще раз, но Гарри опередил ее, внезапно отбросив одеяла: "Ме-ев!". '[Смотри! Видишь?]' Видя, что только Гермиона понимает, Гарри объяснил: "Я не просто маленький, у меня нет шерсти! Моя кожа натянута, половина моей крови почти все время находится у поверхности, а этот Хвост...]" Гарри схватил его за хвост, сначала грубо, потом с некоторым благоговением, что успокоило его и вернуло обратно на одеяло, '[Я не могу удерживать тепло, и я слишком слаб, чтобы сделать что-нибудь с этим самостоятельно...]".

Наступило мгновение тишины, затем Гермиона заговорила: "Ты не создан для холода... вероятно, ты тропический вид. У тебя нет способа защититься от холода, поэтому ты просто пытался сделать себя более горячим, что только ослабило тебя...". Гарри кивнул.

'[Летом мне было хорошо, было довольно тепло, но сейчас было так холодно, что я не могу этого выносить''.]

"Ну, тогда нам просто придется держать тебя в тепле, не так ли? Я полагаю, что твои, ах, "силы" - это то, что не дает тебе замерзнуть в данный момент?"

Гарри кивнул, '[Наверное, сначала им нужно согреться... Я слишком слаб, а попытка оставаться человеком отнимает слишком много энергии...] Гарри бросил на Дамблдора умоляющий взгляд, на что тот усмехнулся.

"Я посмотрю, что можно сделать. Тем временем, я уверен, что здесь есть отдельная комната, которую вы можете занять, верно, мадам Помфри?"

Помфри с сомнением кивнула, а затем повернулась к Гарри: "Итак, позвольте мне прояснить ситуацию. Вам просто нужен отдых и тепло?" Гарри кивнул, и она тоже: "Тогда все решено. Ты останешься здесь! Никаких "но"!"

Гарри уклонился, оставаясь в сознании достаточно долго, чтобы задаться вопросом, глядя Рону в глаза: "Достаточно близко, Рон?". Затем он подтянул себя поближе и упал, не обращая внимания на протесты мадам Помфри по этому поводу.

Большую часть времени до Рождества Гарри провёл в маленькой отдельной комнате прямо за дверью мадам Помфри; Рон и Гермиона, наложив многочисленные согревающие чары, сочли, что там было откровенно жарко, но согласились, что Гарри, которому температура показалась очень комфортной, действительно возвращает свой цвет. Или, как сказали близнецы: "Он возвращает розовый цвет своим щекам!".

И по мере того, как его цвет возвращался, его энергия тоже уменьшалась, и Гарри обнаружил, что становится все более беспокойным, беспокойно шагая по своей комнате, пока мадам Помфри не приходила и не давала ему зелье сна без сновидений, которое... иногда срабатывало. Мадам Помфри, казалось, была полна решимости заставить его спать как можно больше, его тело просто отказывалось спать после определенного момента, но все же за первые три дня он получил гораздо больше, чем за предыдущие три недели.

И за это время Гарри узнал, что Гермиона, хотя и не больна, но отдыхает почти так же, как и он, что вызвало у Рона шлепок по плечу. Однако, как бы она ни уставала, ей все равно удавалось затащить Рона к себе, после чего начинались занятия, длившиеся до тех пор, пока они могли выносить жару, которую Гермиона сравнивала с пребыванием в сауне.

Лишь в канун Рождества профессор Дамблдор решил, что Гарри достаточно долго просидел взаперти, и в качестве своего рода раннего рождественского подарка сообщил, что они с профессором Флитвиком зачаровали его кровать постоянными согревающими чарами, а Гермиона сказала, что будет зачаровывать его одежду каждое утро.

Рон, конечно же, просто выразил Гарри свои соболезнования по поводу всех забот и опеки, за что тот был ему безмерно благодарен.

Честно говоря, Гарри был просто рад, что наконец-то снова спит в своей постели. На самом деле, он был рад настолько, что сразу же уснул в ней, несмотря на то, что даже не устал.

http://tl.rulate.ru/book/75790/2260164